

■ ■ ■ О роли пользователя и фрагментации сети

Кириллина Н.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В рукописи представлен критический анализ взаимосвязанных процессов: трансформации роли пользователя как непосредственно субъекта коммуникации и фрагментации среды взаимодействия. Выбор темы обусловлен такими процессами, как, во-первых, обособление национальных сегментов сети, что в последнее время достаточно активно обсуждается в контексте блокировки некоторых сайтов и vrn-сервисов в рамках обеспечения информационной безопасности, и, во-вторых, переключением пользователей с потребления крупных медиа на обособленные сообщества и платформы. Последнее связано, помимо утраты доверия к крупным медиа, с более глубинными изменениями в характере потребления информации и изменением роли пользователя – сеть становится пространством диалога, сам факт и качество продолжения которого зависят от выбора пользователя и его интерпретации. По итогам исследования показано, что, во-первых, в силу неоднородности сети в различных сегментах и в разном контексте пользователями выделяются сообщения, нехарактерные для других сегментов; во-вторых, интерактивный дискурс предопределяет выбор пользователями из массива информации тех сообщений и тем, которые им «близки» на основе их личного опыта, психоэмоционального состояния, социокультурных характеристик.

Ключевые слова: цифровые медиа, цифровая среда, интерактивная коммуникация, интерактивный диалог, цифровая культура, фрагментация сетевого пространства, коммуникация, социальная коммуникация, взаимодействие, социальный потенциал коммуникации, вовлеченность

Для цитирования: Кириллина Н.В. О роли пользователя и фрагментации сети // Коммуникология. 2021. Том 9. № 2. С. 41-49. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2-41-49.

Сведения об авторе: Кириллина Наталья Владимировна – к.с.н., доцент кафедры общественных связей и медиа политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИГСУ РАНХиГС). Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: nata.kirillina@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 05.06.2021. *Принята к печати:* 16.06.2021.

Коммуникация в глобальной информационной сети по изначальному замыслу предполагала открытость, равный доступ и участие каждого пользователя [Berners-Lee 1999, 2019], но история развивалась иначе: сеть никогда не была глобальной ни по структуре, ни по содержанию.

В структурном отношении стоит привести, например, национальные сегменты (Китайский Интернет, Европейский Интернет, Русский Интернет – Рунет), корпоративные (Google, Yandex, Facebook и др.) и многие другие – первые ограничива-

ют доступ по соображениям безопасности (The Gold Shied Project и др.), вторые собирают данные о пользователях с целью дальнейшей капитализации. Усиление корпоративных сегментов и ответные шаги по ограничению национальных сегментов и фильтрации интернет-контента, предпринимаемые на государственном и международном уровне в целях обеспечения информационной безопасности и защиты национального суверенитета ведут к фрагментации пространства взаимодействия, в том числе т.н. balkанизации интернета. Неоднородность глобальной сети с несколькими полюсами влияния и относительно закрытыми географическими / национальными сегментами – в силу политических, экономических, технологических факторов, в т.ч. как часть мер по предотвращению информационных угроз – ведет к появлению коммуникативных барьеров и формированию относительно замкнутых сегментов, т.е. сообщение может не доходить до пользователя, или прийти с задержкой или в искаженном виде, и соответственно быть иначе воспринятым из-за названных выше ограничений.

В отношении содержания (контента), разнородность обусловлена не только и не столько названными барьерами. Не умаляя значимости политических, экономических и технических аспектов сетевой фрагментации, следует отметить, что успех сетевого взаимодействия обусловлен и социокультурными факторами. Участие пользователей в совместном создании и распространении информации позволяет людям выражать свое отношение к действительности таким образом, который был невозможен до появления интернета, что само по себе создает новый интерактивный социальный контекст.

Взаимодействие субъектов в сетевом интерактивном общении проявляется как итеративный процесс, в котором участие, опыт и совместные действия становятся центральными компонентами. Характер и степень взаимодействия между участниками интерактивного общения отражаются в соответствующих показателях – конверсии и вовлеченности, количестве и тональности «лайков» и комментариев, количестве и качестве репостов, т.е. в интерактивном общении оценка значимости информации для аудитории может производиться на основе вовлеченности аудитории в коммуникативный процесс [см., например, Johnston, Taylor]. Это неизбежно влечет за собой передачу шаблонов межличностного общения в сеть и наоборот, увеличивая неопределенность и усложняя контроль по мере распространения информации в сети. Происходит конвергенция, которая неизбежно меняет характер общения [Campbell; Flanagan], в связи с чем возникает вопрос о выявлении факторов и процессов, влияющих на возможные искажения. Сам факт поддержания и воспроизведения качественного общения становится проблемой, и эта проблема во многом связана с различиями между субъектами [Craig 2015].

Детализируя процесс сетевого интерактивного общения и связанные с ним ожидания субъектов (пользователей), мы можем предположить следующий порядок действий: отправляя сообщение, мы предполагаем (1) влияние на восприятие этого общения ряда факторов, таких как культура, личный опыт, психологи-

ческое и эмоциональное состояние адресата, информационный фон; (2) дальнейшее распространение сообщения пользователями (лайки, репосты, комментарии); (3) дальнейшее хранение / добавление / исправление: истории, которые мы рассказываем пользователю в процессе нашего взаимодействия с ним, передаются в виде множества последовательных сообщений и фрагментов, публикуются на разных сайтах и носителях и интегрируются в общий контекст; (4) вероятность искажения смысла: сообщения, передаваемые другими участниками взаимодействия, трансформируются, и эти изменения относительно плохо предсказуемы и управляемы.

В описанной последовательности важна не только обратная связь, но и возможность продолжить взаимодействие с сохранением первоначального смысла [Кириллина]. И если количественный показатель сравнительно прост в измерении, прогнозировании и активно используется практиками (показатели вовлеченности, показатели активности пользователей на сайтах и в приложениях и т.д.), то *сохранение смысла, настроения, качества сообщения, его контролируемое распределение в последующих итерациях*, остается проблемой, решение которой связано с относительной новизной и значительной неопределенностью новых практик. То есть структурное сопряжение субъектов общения внутри воспроизводящей себя системы возникает на основе опыта субъектов, участвующих в общении, и является таким опытом (практикой). Р. Крейг, размышляя над этим, предлагает полагаться на поиск взаимопонимания и опыт изучения коммуникации подлинное общение или диалог основывается на опыте прямого, непосредственного контакта с другими [Craig 1999].

Но, как известно, «глобальная деревня» не столь открыта, как мы привыкли о ней думать, и «гарантирует максимальное разногласие по всем пунктам» [McLuhan 1967: 272]. Значительная роль здесь принадлежит традициям, стереотипам, образам, которые оказались наиболее близкими пользователям в различных сегментах «глобальной деревни». Близкой по смыслу будет предложенная М. Маклюэном концепция «глобального театра» [McLuhan 1964], которая предполагает переход от «человека масс» к *вовлечению* каждого в ежедневное производство информации – то есть личный, независимый вклад каждого. Но пользователи в прямом и переносном смысле «говорят на разных языках», и из этого неизбежно рождается полисемия сетевой коммуникации. Роль пользователя во многом определяется его социокультурным происхождением. Кроме того, чем богаче письменное наследие культуры, тем сильнее его воздействие как принципа уравновешивания восприятия и мышления.

Сообщения, передаваемые в сети, не существуют сам по себе, но относятся к материальному или нематериальному объекту или явлению и является его отражением (обозначением) и интерпретируется в определенном контексте – лингвистическом [Saussure] или культурном [Barthes; Лотман]. Если рассматривать сообщение как сложный знак с присущими ему многозначностью, сложностью композиции, сочетанием визуальных и текстовых элементов, которые предподре-

деляют восприятие информации, ее эмоциональное воздействие и потенциал к дальнейшему распространению пользователями, то мы снова вынуждены обращаться к *роли пользователя* в распространении сообщений [см. Peigse], которая состоит в том, что именно пользователь в итоге решает, будет ли информация распространяться дальше.

Тартуская семиотическая школа [Лотман 2010; Torop, Lotman, Kull] интерпретирует знаковую систему в первую очередь в связи с культурой, а культура интерпретируется как комплекс информации (1); сам процесс коммуникации трансформирует текст, раскрывая множество контекстов (2); основная практика взаимодействия со знаками – расшифровка, интерпретация и семиотический анализ (3). В этом тартуская школа спорит с французской (Barthes), противопоставляя текст дискурсу, когда текст изучается во внетекстовой реальности, обусловленной культурой. Дискурсы в контексте лингвистической теории Ролана Барта интерпретируются как социальные знаки (не только слова, но и изображения), наполненные социально значимыми значениями и мифическим содержанием. Но это значение изменяется в различных группах. Барт выделяет два типа сообщений: (1) бескодоевое или прямое линейное сообщение, когда иконический образ в массовом общественном сознании воспринимается как аналог и копия реальности; (2) код или коннотативное сообщение, когда изображение выступает в качестве знаковой конструкции, несущей скрытые культурные значения (коннотации), сформированные с помощью коммуникативных техник. Второй тип сообщения относится к культурному и историческому контексту и генерирует образы и ассоциации, которые будут различаться в зависимости от контекста. В эссе по истории фотографии Барт обращает внимание на роль культурных знаков, влияющих на процесс чтения сообщений, и размышляет о «предполагаемых знаниях читателя», которые определяют чтение, включая *удовольствие от декодирования и чтения сообщений* (обозначенные образы в «Риторике образа» [Barthes 1964: 41-42]).

Коннотации создают искажения, которые возникают по ряду причин, выходящих за рамки политических, экономических или технических: успех сетевой дипломатии обусловлен, среди прочего, социокультурными факторами. В этом смысле мы возвращаемся к концепции «глобальной деревни» [McLuhan 1962], в которой с помощью электронных средств связи и благодаря одновременному и беспрепятственному распространению контента целостная информационная картина формируется из разрозненных фрагментов информации. В этом отношении любопытно, что Маклюэн еще в 60-х годах разделил средства коммуникации на «горячие» и «холодные», где горячие СМИ должны были восполнять недостаток информации, активно вовлекая потребителя в сопереживание истории.

Сегодня вовлечение пользователей, пожалуй, синоним любой информационной (интерактивной) кампании в сети. В то же время это предполагает аналогию с традиционным пониманием общины и отсылку к особому образу жизни, традициям, культуре, собственным ритуалам и диалектам, не характерным для других

поселений. И в этом смысле понятие «общее поле глобальной культуры» [см., например, Гревцева] сталкивается с различиями субъектов общего диалога. С одной стороны, современное медиапространство действительно дает возможность мгновенно передавать информацию из любой точки мира в любые другие, а тем более открытая полемика о них с участием пользователей, с другой – глобальность «деревни» вовсе не означает единства или равенства в понимании и отношении к текущим событиям, а тем более согласия по обсуждаемым вопросам [McLuhan 1967; McLuhan & Fiore, 1968]. Результат такой фрагментации иногда обозначают как демассификацию [см. Тоффлер; Иноземцев], противопоставляя массивификации медиа и связывая с появлением большого разнообразия каналов, программ и площадок, направленных на узкие тематические и демографические группы, так и распространение новых платформ дистрибуции контента в современной медиасреде [Назаров]. М.М. Назаров в исследовании фрагментации медиа приводит т.н. феномен «длинного хвоста» (long tail) [Anderson: 100-105] и, ссылаясь на С. Андерсена, пишет об отказе большинства от массовых СМИ в пользу тематических сайтов. С поправкой на время выхода публикаций, здесь следовало бы обратить внимание на развитие интерактивных возможностей сети, но безусловно ценным в ракурсе настоящего исследования является следующее наблюдение: «образуется многообразие взаимодействующих между собой микрокультур, где каждый оказывается носителем супернишевой культуры» [Назаров: 57].

Интерактивность сетевого пространства предполагает, что пользователи относительно независимы в выборе доступной информации и её дальнейшем распространении. Если информация неясна или неинтересна, или источник информации не заслуживает доверия, или информация слишком банальна или, наоборот, слишком сложна для понимания, выбор будет сделан в пользу другого источника и другого содержания. Речь идет о конкуренции контента и конкуренции новостных статей, в которых очевидной необходимостью является не только и не столько сохранение статус-кво, но и завоевание внимания и доверия пользователей. В этом смысле интерактивный контент также актуализирует вопрос качества работы с общественным мнением – если пользователь не подписывается на канал, не ретвитит и не комментирует, то контент «мертв»¹. Это имеет определенную практическую ценность: для того, чтобы сообщение достигло своих целей, оно должно содержать информацию, позволяющую адресату применить свои предыдущие знания и наслаждаться ими. Это означает, что сообщение не должно быть ни слишком сложным, ни слишком простым. Следовательно, хорошо написанное сообщение должно содержать хотя бы минимум коннотативных знаков, отсылающих адресата к его социальному опыту и знаниям в области культуры, истории, технологий и т.д.

¹ Jenkins H. (2009). If It Doesn't Spread, It's Dead (Part One): Media Viruses and Memes. In: Confessions of an aka-fan [el. source]: http://henryjenkins.org/blog/2009/02/if_it_doesnt_spread_its_dead_p.html (retrieved 06.06.2021).

Выводы. Во-первых, действительно интерактивный дискурс, то есть с активным участием пользователей, предопределяет выбор из массива информации сообщений (текстовых и визуальных), которые «близки» пользователю. Во-вторых, в силу неоднородности сети, в различных сегментах (и в разном контексте) будут выделяться сообщения, нехарактерные для других сегментов, а также приобретать иное содержание. Изменения, которым подвергается единица информации в определенной среде, во многом обусловлена ее характеристиками, включая социокультурные – они наполняют информацию символическим содержанием и определяют ее жизнеспособность.

Соучастие пользователя в разработке и распространении информации позволяет людям выражать свое отношение и создает новый интерактивный социокультурный контекст. Поиск понятных пользователю шаблонов и создание привлекательного контента в конечном итоге определяется активным выбором пользователя: когда информация непонятна, неинтересна, сообщение останется постом без «ретвитов» и комментариев и будет быстро забыто. Изменения, претерпеваемые единицей информации в той или иной среде, в значительной степени обусловлены характеристиками среды, в том числе историческими предпосылками и культурой. В конечном итоге, именно они наполняют распространяемую информацию символическим содержанием и определяют ее жизнеспособность. В прикладном аспекте, это выражается в способности или неспособности сообщений к созданию устойчивых образов.

Социальная фрагментация является неизбежной в организации и функционировании крупных сообществ [см., например, Pham, Kondor, Hanel, Thurner], но в применительно к сетевой коммуникации это процесс также является барьером для распространения информации и ведет к искажениям, которые ограничивают либо трансформируют процессы взаимодействия. Чтобы избежать этих нежелательных результатов фрагментации, или по крайней мере идентифицировать возможные риски, необходимо понимать механизмы, ведущие к социальной фрагментации. Глобальная сеть действительно открывает исключительные возможности коммуникации, реализация которых ограничена, помимо объективных политических и экономических факторов, пробелами в понимании происходящих процессов. Представляется, что исследования в этой области будут способствовать общему решению проблемы – как в научной сфере, так и в ее прикладных аспектах.

Источники

- Гревцева А.А. (2008). Культурная глобализация: проблемы и парадигмы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 70. С. 145-148.
- Иноземцев В.Л. (1999). Расколота цивилизация. М.: Academia – Наука.
- Кириллина Н.В. (2020). Источники неопределенности и применение итеративного подхода в управлении интерактивной коммуникацией в сети // Коммуникология. Том 8. №4. С. 172-179).
- Лотман Ю. (1992). Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра.

- Лотман Ю. (2010). Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ.
- Назаров М.М. (2015). К вопросу о фрагментации современного медиаландшафта: теория и эмпирические результаты // Информационное общество. № 2-3. С. 57-66.
- Тоффлер Э. (2004). Постстандартизированный разум // Третья волна. Москва: АСТ.
- Anderson C. (2006). *The Longer Long Tail*. N.Y.
- Barthes R. (1957). *Mythologies*. Seuil: Paris.
- Barthes R. (1964). *Rhétorique de l'image / Éléments de sémiologie*, In: *Communications* 4, Seuil: Paris.
- Berners-Lee T. (1999). *Weaving the Web: The original design and ultimate density of the World Wide Web*, by its inventor Tim Berners-Lee with Mark Fischetti.
- Berners-Lee T. (2019). *Contract for the WEB: A global plan of action to make our online world safe and empowering for everyone* [el. source]: <https://contractfortheweb.org> (retrieved 02.06.2021).
- Campbell R. (2015). *Media & Culture: Mass Communication in a Digital Age*. Macmillan Higher Education.
- Craig R.T. (1999). *Communication Theory as a Field*. *Communication Theory*. No.9 (2). P. 119-161.
- Craig R.T. (2015). *The Constitutive Metamodel: A 16-Year Review*. *Communication Theory*. Vol. 25, Issue 4. P. 356-374.
- Flanagin A. (2017). *Online Social Influence and the Convergence of Mass and Interpersonal Communication*. *Human Communication Research*. Vol. 43, Issue 4. P. 450-463.
- Johnston K., Taylor M. (2018). *Engagement as Communication: Pathways, Possibilities, and Future Directions*. In: Taylor M., Johnston K. (eds.) *The handbook of communication engagement (Handbooks in Communication and Media)*. John Wiley and Sons. P. 1-15.
- Lotman Yu. (2009). *Culture and Explosion (Semiotics, Communication and Cognition)*. Transl. W. Clark; ed. M. Grishakova. De Gruyter Mouton.
- McLuhan M. (1962). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press.
- McLuhan M. (1964). *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill.
- McLuhan M. (1967). *Hot & Cool*. New York: The New American Library.
- McLuhan M., Fiore Q. (1968). *War and Peace in the Global Village*. N.Y.
- Peirce Ch. (1902). *The New Elements of Mathematics, Vol. 4*. In: *Parts of Carnegie Application (L 75)*, published in Carolyn Eisele (ed., 1976). The Hague – Paris: Mouton Publishers.
- Pham T.M., Kondor I., Hanel R., Thurner S. (2020). *The effect of social balance on social fragmentation*. In: *The Royal Society Publishing*, 17:20200752 [access mode]: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsif.2020.0752>
- Saussure F. (1983). *Course in General Linguistics*. Ed. Ch. Bally & A. Sechehaye; transl. R. Harris. La Salle, Illinois: Open Court.
- Torop P., Lotman M., Kull K., eds. (2001). *Sign Systems Studies*. Vol. 29.1. Tartu University Press.

■ ■ ■ On User Roles and Fragmentation of the Global Network

Kirillina N.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Abstract. The paper represents a critical analysis of interrelated processes: transformation of the user's role as direct subject of communication and fragmentation of the environment of interaction. The choice of the topic is conditioned by (1) the emergence of national network segments, which has recently been quite actively discussed in the context of blocking sites and VPN services as a measure for the protection of information security, and (2) users switching from the consumption of large media to isolated communities and platforms. The latter is associated, in addition to the loss of trust in major media, with deeper changes in the nature of information consumption and a change in the user's role: the network becomes a space of dialogue, where the very fact and quality of its continuation depends on the user's choice and his interpretation. According to the results of the study, it is shown that, firstly, due to the heterogeneity of the network in different segments and in different contexts, users may select messages untypical for other segments; secondly, interactive discourse predetermines the users' choice from the array of information of those messages that seem «close» to users on the basis of their personal experience, psycho-emotional state, socio-cultural characteristics. The changes that a unit of information undergoes in a certain environment are determined by the characteristics of the environment, including sociocultural ones – they fill messages with symbolic content and determine their viability / potential to further dissemination in media space.

Keywords: interactive communication, digital environment, fragmentation of the network space, social fragmentation, social communication, interaction, communicative engagement

For citation: Kirillina N.V. (2021). On user roles and fragmentation of the global network. *Communicology(Russia)*. Vol. 9. No.2. P. 41-49. DOI 10.21453 / 2311-3065-2020-9-2-41-49.

Inf. about the author: Kirillina Natalia Vladimirovna – Cand. Sc. (Soc.), associate professor at the department of public relations and media policy, RANEPА. Address: 119571, Russia, Moscow, Venadsky ave, 84. E-mail: nata.kirillina@gmail.com.

Received: 05.06.2021. *Accepted:* 16.06.2021.

References

- Anderson C. (2006). *The Longer Long Tail*. N.Y.
- Barthes R. (1957). *Mythologies*. Seuil: Paris.
- Barthes R. (1964). *Rhétorique de l'image / Éléments de sémiologie*, In: *Communications* 4, Seuil: Paris.
- Berners-Lee T. (1999). *Weaving the Web: The original design and ultimate density of the World Wide Web*, by its inventor Tim Berners-Lee with Mark Fischetti.
- Berners-Lee T. (2019). *Contract for the WEB: A global plan of action to make our online world safe and empowering for everyone* [el. source]: <https://contractfortheweb.org> (retrieved 02.06.2021).

- Campbell R. (2015). *Media & Culture: Mass Communication in a Digital Age*. Macmillan Higher Education.
- Craig R.T. (1999). Communication Theory as a Field. *Communication Theory*. No.9(2). P. 119-161.
- Craig R.T. (2015). The Constitutive Metamodel: A 16-Year Review. *Communication Theory*. Vol. 25, Issue 4. P. 356-374.
- Flanagin A. (2017). Online Social Influence and the Convergence of Mass and Interpersonal Communication. *Human Communication Research*. Vol. 43, Issue 4. P. 450-463.
- Grevtseva A.A. (2008). Cultural globalization: problems and paradigms. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. No. 70. P. 145-148 (In Rus.).
- Inozemtsev V.L. (1999). A shattered civilization. M.: Academia – Nauka (In Rus.).
- Johnston K., Taylor M. (2018). Engagement as Communication: Pathways, Possibilities, and Future Directions. In: Taylor M., Johnston K. (eds.) *The handbook of communication engagement (Handbooks in Communication and Media)*. John Wiley and Sons. P. 1-15.
- Kirillina N.V. (2020). Sources of uncertainty and application of iterative approach in interactive communication campaigns (research and practice). *Communicology (Russia)*. Vol. 8. No.4. P. 172-179 (In Rus.).
- Lotman Yu. (1992). Articles on semiotics and topology of culture. Tallin (In Rus.: Лотман Ю. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра).
- Lotman Yu. (2009). *Culture and Explosion (Semiotics, Communication and Cognition)*. Transl. W. Clark; ed. M. Grishakova. De Gruyter Mouton.
- Lotman Yu. (2010). *Semiosphere*. Saint-Petersburg (In Rus.).
- McLuhan M. (1962). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press.
- McLuhan M. (1964). *Understanding Media: The Extensions of Man*. McGraw-Hill.
- McLuhan M. (1967). *Hot & Cool*. New York: The New American Library.
- McLuhan M., Fiore Q. (1968). *War and Peace in the Global Village*. N.Y.
- Nazarov M.M. (2015). On the issue of fragmentation of the modern media landscape: theory and empirical results. *Information Society*. No. 2-3. P. 57-66 (In Rus.).
- Peirce Ch. (1902). *The New Elements of Mathematics*, Vol. 4. In: *Parts of Carnegie Application (L 75)*, published in Carolyn Eisele (ed., 1976). The Hague – Paris: Mouton Publishers.
- Pham T.M., Kondor I., Hanel R., Thurner S. (2020). The effect of social balance on social fragmentation. In: *The Royal Society Publishing*, 17:20200752 [access mode]: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsif.2020.0752>
- Saussure F. (1983). *Course in General Linguistics*. Ed. Ch. Bally & A. Sechehaye; transl. R. Harris. La Salle, Illinois: Open Court.
- Toffler E. (2004). *Post-Standardized Mind*. In: *Third Wave (transl.)*. Moscow: AST (In Rus.).
- Torop P., Lotman M., Kull K., eds. (2001). *Sign Systems Studies*. Vol. 29.1. Tartu University Press.